

Часть 1 ПОРТ-АРТУРСКИЙ КАНКАН

14 марта 1904 года, 08:15 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 20 миль юго-западнее Ляотешаня. Боевая рубка БПК «Адмирал Трибуц»

Полный вперед — пока, правда, без форсажа. На таком режиме, при работе всех четырех турбин, «Трибуц» способен разогнаться до двадцати четырех — двадцати пяти узлов. Он и разогнался, на лаге двадцать четыре с половиной. По широкой дуге, обходя соединение Того, вместе с «Быстрым» движемся на юго-восток. Именно там, в тылу его кильватерного строя, и начнется атака века.

До начала боя осталось совсем немного времени, в рубке стихли даже приглушенные разговоры. Карпенко взял в руку микрофон общекорабельной трансляции. Сейчас его услышат на всем корабле, на всех боевых постах.

— Товарищи, друзья, боевые соратники, офицеры, мичмана, старшины и матросы. Смотрите, перед нами враг, позади Россия. Россия всегда будет за каждым из нас, какой бы год ни стоял на дворе. Да и враги тоже у нее были и будут всегда. Теперь на-

ступил момент проверить, не зря ли Родина вооружила нас и поставила в строй для своей защиты, на что мы способны в черный для России день? Вон дымит японская эскадра, построенная на деньги англичан и американцев, ими же оснащенная и обученная. Японцы пришли сюда убивать наших русских людей, наших прадедов и прапрадедов. Напомню — они напали, как Гитлер, без объявления войны, ночью атаковав наши корабли, а на следующий день блокировали в Чемульпо «Варяг» и «Кореец». В наших руках оружие возмездия, способное затоптать врага в морскую пучину. Но запасы у нас ограничены, а враги многочисленны, поэтому прошу — не приказываю, а прошу — максимально точно исполнить свои обязанности. Выполнить свой боевой долг на «отлично», чтобы каждый снаряд или торпеда попали точно в цель. Никогда еще у вас не было более придирчивых проверяющих. Помните, что малейший наш огрех может нам дорого обойтись. У врага оружие не учебное — боевое. А мне даже страшно подумать, что может сделать с нашим кораблем двенадцатидюймовый или даже восьмидюймовый снаряд. Товарищи, с нами Бог, наше дело правое, победа будет за нами. Не подведем наших предков, нашу многострадальную Родину и наш народ...

Карпенко вытер рукой лоб — он все-таки строевой командир, а не оратор. Но помог текст, который составил Одинцов, ну и от себя тоже кое-что удалось добавить. Времени же оставалось все меньше и меньше, до исходных позиций еще около пяти минут.

А кстати, вон и Одинцов — стоит на правом крыле мостика и показывает большой палец, понравилось, значит. Ну ладно, он же не лезет в мои военно-морские дела, а я не буду лезть в его политические. А то при толерастии с либерастией слишком много народа

возомнило себя великими политиками и ломанулось покорять политические Олимпы.

14 марта 1904 года, 08:35 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 25 миль юго-восточнее Ляотешаня. Боевая рубка эсминца «Быстрый».

**Капитан первого ранга
Иванов Михаил Владимирович**

Японская эскадра вытянулась поперек моря цепочкой копящих утюгов. Четко следуя плану операции, мы вслед за «Трибуцем» легли на курс, параллельный курсу японской эскадры на сорок пять кабельтовых мористее и с отставанием по дистанции в семьдесят кабельтовых. Напряжение в боевой рубке росло с каждой секундой. Вот пришло время — и с гортанным кавказским акцентом звучит команда моего командира БЧ-2 капитан-лейтенанта Гараяна: «Снаряд осколочно-фугасный, взрыватель на фугас! Товсь!»

Вот уже расстопорены механизмы наведения артиллерийских башен и торпедных аппаратов. План боя и характеристики целей введены в БИУС, а от туда переданы в СУАО. Операторы, привстав от напряжения, нависли над своими пультами. С каждой секундой приближается рубеж открытия огня. Шестьдесят кабельтовых для «Трибуца» и шестьдесят пять для нас. Шестьдесят — шестьдесят пять кабельтовых — это примерно половина максимальной дальности обеих артсистем, что АК-100 с «Трибуца», что АК-130 с «Быстрого». Траектории при этом весьма настильны, рассеивание невелико, а подлетное время снарядов — семнадцать секунд. Сто тысяч лошадей несут «Быстрый» над волнами в брызгах пены

и свисте ветра. Опять это упоение атаки, кружащее голову, как в тот раз. Осталось десять кабельтовых, семь, пять, три, два, один...

Отсюда, из рубки, мне были видны только полусферическая крыша баковой башни и концы стволов, наведенные на врага.

— Огонь! — сказал я негромко, но так, что услышали все, кто находился в рубке. — Огонь!

И вспыхнуло пламя и ударил гром.

Десять бесконечных секунд орудия посылали во врага снаряд за снарядом; и вот все смолкло; все двадцать восемь фугасных снарядов — на траектории. Отсчитывая про себя секунды, я поднял к глазам бинокль. Первой жертвой, попавшейся нам в зубы, был бронепалубник «Иосино», или «Ёсино», хрен их япону маму разберет, как они это произносят. Там про нас еще даже не знают и не ведают. Стволы орудий поставлены на ноль и находятся в диаметральной плоскости. А смерть уже отсчитывает последние секунды — первые снаряды уже прошли вершину траектории и подобно снежной лавине катятся на японцев. «Какая чушь лезет мне в голову...» — подумал я, не забывая исправно отсчитывать секунды. На слове «шесть» японский крейсер скрылся за стеной разрывов. А сверху, подобно каракулевой шапке, распускались цветы разрывов зенитных снарядов, выпущенных с «Трибуца».

— Попал! Ай, попал, молодец, ребята! — в восторге закричал Гаранян. — А ну поправку, и дай ему еще!

Опали водяные столбы, ветер снес назад дым от взрывов — и стало видно, что Гаранян не ошибся. Три огромные дыры в борту; из одной валил густой дым от разгорающегося в угольной яме пожара. Первая труба завалилась набок и держится на честном слове, удушливый угольный дым волнами ползет по палубе. Также сильный пожар в корме, сверкает подобно бен-

гальскому огню — похоже, загорелись картузы первых выстрелов, сложенные у кормового орудия главного калибра. Скорее всего, были и еще попадания, просто не столь заметные.

— Вторая! — выкрикивает Гаранян, и снова орудия на десять секунд превращают весь мир вокруг в сплошной грохот и пламя.

Жадно всматриваюсь через бинокль в силуэт японского крейсера. Мне кажется, или он все-таки кренится на левый борт? Не знаю, а вот пожар в угольной яме явно разгорается, и через пробоину уже не только валит дым, но и выбиваются ревушие языки пламени. Как и пожар в корме. Истекли положенные секунды — и цель снова накрыло стеной разрывов. Что это? Над злосчастным японским крейсером поднимается огромное грязно-серое облако пара, перемешанного с дымом. Крен на левый борт уже заметен невооруженным глазом и продолжает нарастать; кроме того, этот «Иосино» замедляет ход и садится носом. Значит, есть еще парочка (или больше) немалых подводных пробоин, куда сейчас десятками тонн вливается забортная вода. Нет, точно не жилец... Отдаю команду:

— Гаранян, четвертая дробь, перенос огня на третью.

До третьей еще далековато, до рубежа открытия огня больше минуты, поэтому жадно всматриваюсь в заваливающийся на борт вражеский крейсер. Его крен уже закритический, и спасти его теперь не сможет и сам Господь Бог. Кроме того, под воду ушли практически все пробоины левого борта, пламя и дым пожара сменились столбом густого пара. Еще немного — и, потеряв остойчивость, «Иосино» переворачивается кверху днищем, подобно большой снулой рыбе. А мы уже накатываемся на следующего «клиента». По схеме это должен быть крейсер «Такаса-

го». Там уже заметили конфуз, постигший поделщика, и явно забегали, засуетились. Куда-то, примерно в нашу сторону, даже бухнула кормовая восьмидюймовка. Недолет кабельтовых двадцать пять, да и точность прицеливания оставляет желать лучшего. Но время существования в этом мире японского крейсера уже истекло. «Трибуц» и «Быстрый» пересекли невидимую черту, и снова заговорила наша артиллерия. Конец «Такасаго» был быстрым и ужасным — в районе кормовой восьмидюймовки на десятки метров вверх ударил радужный фонтан кордитного пламени.

Именно так в нашей истории в мае сорок первого погиб британский линейный крейсер «Худ».

Все остальные повреждения, нанесенные нашими снарядами этой японской «собачке», меркли перед тем, что натворил снаряд, который в нужном месте под нужным углом пробил борт, две внутренние переборки и рванул в кормовом погребе ГК. Внутренние герметичные переборки и клинкетные двери рассчитаны на сопротивление давлению забортной воды, а не раскаленных до трех тысяч градусов пороховых газов. Волна огня — такая, какую любят снимать в голливудских фильмах — должна была прокатиться у него от кормы до носа, выжигая внутри все живое и неживое.

Гаранян только глянул в мою сторону, я опустил бинокль и кивнул — и он сам задробил стрельбу. Тратить боеприпасы фактически уже на труп корабля не имело смысла. Пока до открытия огня по следующей нашей цели оставалось около двух минут, я перевел бинокль в голову японской кильватерной колонны. Японский адмирал уже должен был понять, что хвост его колонны кто-то нагло убивает. И точно — вверх по мачтам побежали сигнальные флаги... Ну... то, что это будет поворот на левый борт на восемь румбов,

это к гадалке не ходи; но какой? Последовательно за флагманом, или все вдруг? Пес их разберет, эти японские сигналы. Хотя, насколько я помню, у японцев дело с исполнением команд поставлено четко, так что через минуту с небольшим узнаем...

Есть! «Микаса» ворочает влево, а все остальные пока идут прежним курсом. Карпенко не ошибся — адмирал Того выбрал самый консервативный вариант маневра, чем, в принципе, и подписал себе смертный приговор. А мы пока вернемся к нашим баранам — до рубежа открытия огня по крейсеру «Читосе» остались считанные секунды. Интересно, что о нас думает контр-адмирал Дэва, который несет свой флаг на «Касаги»? Мы для него выглядим как крейсера первого ранга с фантастическим весом минутного бортового залпа. Ведь на его крейсере на один борт может бить шесть орудий со скорострельностью шесть выстрелов в минуту и весом снаряда в двадцать четыре килограмма. Вес минутного бортового залпа — восемьсот шестьдесят пять килограммов. Обе башни «Быстрого» в минуту выбросят к цели сто восемьдесят снарядов весом в тридцать шесть килограммов, минутный вес бортового залпа при этом составит шесть тонн четыреста восемьдесят килограммов. И вот появившаяся неведомо откуда Немезида уже сожрала два крейсера и подбирается к третьему. Все, время — очередь! Согласно предварительному плану, рубеж открытия огня для «Читосе» и «Касаги» составлял уже по сорок пять и пятьдесят кабельтовых соответственно. На такой дистанции процент попаданий приближается к пятидесяти процентам, а это двенадцать-тринадцать снарядов в залпе. Кроме разрывов прямых попаданий, превративших быстроходный крейсер в хромящую развалину, несколько высоченных водяных столбов встают у самого борта, что может означать обширные подводные пробоины.

Тут я понимаю, что мы с Карпенко несколько переложили японцам сладкого. Они и половину предложенной нами порции съесть не могут. Я колеблюсь, задробить вторую очередь или нет, но японец начинает валиться на борт, когда снаряды уже в пути, и остается только сожалеть о напрасно потраченных боеприпасах. Нет, кажется, Гаранян самостоятельно прервал очередь и вместо семи стволов выпустили только по три-четыре снаряда. Перевожу бинокль вперед и успеваю заметить, как от «Трибуца» к замыкающему строй броненосной эскадры японскому тяжелому трехтрубному крейсеру тянется белая полоса кавитационного следа от торпеды «Шквал».

Три трубы — значит, «Якумо», немец по происхождению. Карпенко заранее передал нам карточки опознавания японских и русских кораблей. И как с Одинцовым мы раскладывали политические пасьянсы, точно так же с Карпенко раскладывались пасьянсы тактические. Но кто бы он ни был, он уже покойник, пусть ему это пока и неизвестно. От «Шквала» спасения нет — ни в наши времена, ни тем более сейчас. Перевел бинокль на «Читосе» и успел увидеть, как он ложится на борт — здесь уже все. А адмирал Дэва на «Касаги» решился — ложится в левую циркуляцию с явным намерением идти на сближение. А вот фиг вам, господин контр-адмирал!

Хлопаю по плечу Гараняна:

— Армен Ашотович, цель номер один, огонь немедленно!

Сопровождение цели ведется непрерывно, команду мою слышат и операторы, и поэтому не успел командир БЧ-2 отрепетовать, как загрохотала артиллерия. Все, чего сумел добиться Дэва — это поставить свое корыто к нам левым бортом на пятидесяти кабельтовых. И немного сбить наводку по дальности. На этот раз все попадания были или в надстройки,

или в верхнюю часть корпуса. Перебитая взрывом, рухнула за борт фок-мачта, один из снарядов попал под первую трубу, и теперь там разгорался пожар от раздробленных в щепу шлюпок. Из дыр в трубе удушливый дым стелился вдоль палубы. Кроме этого, носовой каземат взрывом нашего снаряда и детонацией боекомплекта вывернуло практически наизнанку. Но подводных пробоев не было, и «Касаги» продолжал циркуляцию. Когда до него дошла следующая очередь, он был к нам уже в ракурсе «три четверти». Прицел был уже снижен и снаряды или били в борт над ватерлинией, или, при небольшом недолете, ныряли, чтобы взорваться под днищем или у борта.

А вот такого варварского обхождения ослабленный корпус японского крейсера не перенес. Когда опала пена от взрывов, стало видно, что он быстро уходит носом под воду, как субмарина при экстренном погружении. С этим все. Перевожу взгляд вперед. Успел! В бинокль видно, как «Шквал», выпущенный с «Трибуца», попадает под кормовую башню в... у крейсера две трубы — значит, это «Асама»; а куда же потерялся «Якумо», в которого Карпенко стрелял первым? Значит, пока я разбирался с «Касаги», он успел получить свою порцию и полностью утонуть. Жаль, не удалось за его гибелью наблюдать самому. Так быстро может утонуть только корабль, разломившийся пополам по миделю от взрыва котлов. Ну уж тот же процесс в исполнении «Асамы» я наблюдаю с удовольствием — взрыв боевой части «Шквала» и последующая детонация погребов оторвали убийце «Варяга» корму, и теперь он погружается в воду, задирая нос высоко в небо. А «Быстрый» уже ложится вслед за «Трибуцем» в правую циркуляцию, на контркурсах разворачиваясь левым бортом к японской броненосной эскадре, торпедный аппарат уже наведен на цель — вот он, момент истины. Того всей

своей броненосной тушей влез в расставленную для него ловушку. Все, готово.

Мой командир БЧ-3, кап-три Шульц — из немцев один из последних (если не последний) на нашем флоте. На всю жизнь запомнил его слова: «Мой пращур, рижский дворянин, дал присягу еще Петру Алексеевичу — служить России, и за себя, и за свое потомство. И вот мы, Шульцы, уже триста лет не изменяли этой присяге — ни в четырнадцатом, ни в семнадцатом, ни в сорок первом. И не изменим никогда, пока существует наш род и Россия...»

В общем, если в природе и бывает идеальный командир минно-торпедной боевой части, так это он, Андрей Федорович. Залп рассчитан до миллиметра. В нашем прицеле «Микаса» и «Асахи». Команда «Пли!» — две огромные темно-зеленые рыбины одна за другой ныряют за борт. Оглушающий, постепенно стихающий рев и белые кавитационные следы, тянущиеся к броненосцам-жертвам. «Трибуц» тоже дал залп, только следы его торпед плохо видно. Ну ничего, посмотрим на результат. А ведь все шесть японских броненосцев — не более чем жертвенные барашки, предназначенные на заклание на алтаре бога справедливости. В руках у Шульца тикает секундомер, в рубке все замерли... Вдруг носовую часть «Микасы» подбрасывает сильнейшим подводным взрывом прямо под башней ГК. Мгновение спустя детонирует боекомплект — и в дальнейшем об адмирале Того можно будет забыть. Хотя взрыв «Шквала» под килем для броненосцев в пятнадцать-тринадцать тысяч тонн не лечится в любом случае, даже без детонации БК. Окидываю взглядом японский кильватер и вижу картину, которая мне как медом по сердцу — все броненосцы взрываются и тонут. Ну, слишком мала дистанция и слишком неуклюжа цель, чтобы при прицеливании под первую трубу «Шквал» мог

отклониться больше чем на тридцать метров в ту или другую сторону. А там или один из двух погребов ГК рванет, или котлы. Ибо взрыв четырехсот килограммов ТГА выносит напрочь по двадцать-тридцать квадратных метров обшивки днища и как спичку ломает стальную балку киля. Нет, пленных сегодня будет явно минимум.

Я поворачиваюсь к своим офицерам — именно сейчас, в этом бою, эти люди стали мне своими; и, кажется, это будет самый лучший день моей жизни. Именно сейчас я ощутил то единство, которое и называется боевым братством. Как жаль, что в тот самый момент, когда я обрел это ощущение единства, должен снова его потерять. Ибо дальнейший мой путь не с ними, а в далекий и таинственный для меня Санкт-Петербург тысяча девятьсот четвертого года. Но Одинцов прав — эту работу лучше всех смогу сделать только я. Но хватит об этом, а сейчас... беру в руку микрофон громкой связи.

— Товарищи офицеры и матросы, говорит командир. Мы победили, японская эскадра полностью уничтожена! Благодарю всех за отличную боевую работу!

— Ура! Ура! Ура! — минуту по боевым постам и переходам перекачивается восторженный рев. Ведь большая часть команды не видела того, что творилось наверху. Они слышали команды, обращенные только к ним, и видели показания приборов. Не более двух десятков человек подобно мне наблюдали сражение во всей красе. А посему...

В рубку заходит мой замполит, стряхивая со штормовки водяные брызги; в руках у него цифровая полупрофессиональная видеокамера. Так сказать, сохранили момент для истории. Потом я узнал, что по распоряжению Карпенко с «Трибуца» тоже велась съемка, аж двумя камерами — с левого кры-